

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНГРЕССЫ, КОНФЕРЕНЦИИ, СИМПОЗИУМЫ

DOI: 10.31857/S086919080001859-1

Для цитирования: Христофоров В.С. Восток и восточное измерение российской политики в оценках политиков, ученых и дипломатов первой трети XX в. *Восток (Oriens)*. 2018. № 5. С. 167–171. DOI: 10.31857/S086919080001859-1

Благодарность: Отдельные результаты научных исследований, представленных на круглом столе, выполнены при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00310 А «Ислам и мусульмане в восприятии российской политической и культурной элиты: проблемы формирования исламского дискурса в первой трети XX в.».

For citation: Khristoforov V.S. The East and the Eastern dimension of Russian policy in the assessments of politicians, scientists and diplomats of the first third of the twentieth century. *Vostok (Oriens)*. 2018. № 5. Pp. 167–171. DOI: 10.31857/S086919080001859-1

Acknowledgements: Some results of research presented at the round table were carried out with financial support of the grant no. 18-09-00310 A (“Islam and Muslims in the perception of the Russian political and cultural elite: the problems of the formation of Islamic discourse in the first third of the 20th century”) of the Russian Foundation for Basic Research.

ВОСТОК И ВОСТОЧНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОЦЕНКАХ ПОЛИТИКОВ, УЧЕНЫХ И ДИПЛОМАТОВ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

© 2018

В. С. ХРИСТОФОРОВ

Институт российской истории РАН, Москва, Россия
xvsarhiv@rambler.ru

Кафедра международной безопасности Факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) и Центр публикации источников по истории России XX в. Института российской истории РАН (ИРИ) 11 апреля 2018 г. провели «круглый стол» **«Восток и восточное измерение российской политики в оценках политиков, ученых и дипломатов первой трети XX в.»**. В его работе приняли участие ведущие специалисты ИВ РАН, ИРИ РАН и его Поволжского филиала, РГГУ, Московского городского педагогического университета, университетов Ташкента, Нижнего Новгорода, Липецка. В дискуссии также приняли участие студенты и магистры РГГУ.

Первая панель «круглого стола» была посвящена **имперскому опыту теоретического и практического востоковедения**, вторая – советскому этапу их развития.

Модераторами мероприятия В.С. Христофоровым и Ю.Н. Гусевой были обозначены актуальные узловые историографические проблемы, которые продолжают заданную еще в 1970-е гг. Э. Саидом полемику о месте и роли ориенталистского знания в системе государственного управления, его отражение в мировосприятии и практической деятельно-

сти военных, гражданских чиновников, академических экспертов, миссионеров. Нацеливая научную аудиторию на поиск пересечений различных дискурсов, *В.С. Христофоров* подчеркнул необходимость выяснения их информационно-аналитической природы, точек соприкосновения востоковедческой теории и управленческой практики. *Ю.Н. Гусева* (Самарский филиал МГПУ) призвала собравшихся специалистов рассмотреть тему преемственности или разрыва репрезентаций образа Востока имперского и советского периодов, традиций/новаций в его информационном наполнении и осмыслении.

Открывший «имперскую» панель докладом «Проблема планирования русским Генеральным штабом “похода в Британскую Индию” (1885–1914 гг.)» *О.Е. Алтеев* (НИИ военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ) обратил внимание аудитории на различные аспекты подготовки России к военным действиям на территории Афганистана и Северной Индии в контексте антибританских усилий российской дипломатии. Архивные материалы свидетельствуют, что вплоть до 1914 г. велась систематическая подготовка к войне с Великобританией, не прерывавшаяся и после заключения англо-русской конвенции 1907 г. Докладчик рассказал об оперативных планах, продемонстрировал карты российского Генштаба, предусматривавшие ведение военных действий против индо-британской армии в Центральной Азии. В сообщении отмечалось, с какими трудностями была связана подготовка оперативных планов в части сбора информации, ее картографирования, как на процесс их подготовки влияли внутриведомственные противоречия и уровень компетентности разработчиков.

А.А. Корнилов (Нац. исслед. Нижегородский гос. ун-т), рассказав о внешнеполитических приоритетах Российской империи в государствах Среднего Востока в начале XX в., продолжил тему продвижения российских интересов на территории «зарубежного» Востока. Он проанализировал основные цели имперского МИД, изложенные во «Всепопданнейшей записке» министра иностранных дел графа М.Н. Муравьева (одобрена Николаем II 25 января 1900 г.). Специалист отметил, что в этом документе афганские земли и города (Кабул, Мазари-Шариф, и в особенности Герат) именовались стратегически важными пунктами для «будущего нашего наступления в Индию». А.А. Корнилов охарактеризовал приоритеты турецкого и персидского направления работы МИД, продиктованные целями сдерживания британского присутствия в регионе.

Следующий блок докладов касался сюжетов внутривосточного уровня, связанных с различными аспектами формирования исламского дискурса в чиновничьей среде, информационной и аналитической составляющей данного процесса в межреволюционный период. Доклад *О.Н. Сенюткиной* (Нижегородский гос. лингвист. ун-т) «Уровень информированности Нижегородского губернского жандармского управления (НГЖУ) о Всероссийских мусульманских съездах» содержал анализ причин, которые привели к изменению отношения власти к обществу в период с 1905 по 1914 г. Введя в научный оборот новые исторические источники, докладчица отметила, что архивные материалы дают возможность утверждать, что проведение съезда мусульман 1905 г. в Нижнем Новгороде являлось для работников ГЖУ полной неожиданностью. В итоге жандармско-полицейские органы стали искать более совершенные механизмы слежения за действиями отдельных групп и лиц, принадлежавших к исламской конфессии, а Нижегородская ярмарка после данного события стала объектом постоянного пристального интереса со стороны государства.

В.С. Христофоров акцентировал внимание аудитории на редко освещаемых в литературе сюжетах работы структур МВД с преимущественно мусульманским (казахским) населением Степного генерал-губернаторства. В докладе «Омское жандармское управление о настроениях мусульман Степного края в 1900–1917 гг.: методика сбора и оценки информации», основанном на неопубликованных оригинальных архивных документах Исторического архива Омской области, он охарактеризовал деятельность региональных

органов политической полиции, отвечавших за сбор и переработку информации о мусульманских подданных региона, выделил и критически осмыслил основные источники поступления данных (пресса, агентурные данные, информация административных органов), обозначив их слабые и сильные стороны. Говоря об общей ситуации, сложившейся в казахской среде региона в первые годы Первой мировой войны, он отметил отсутствие зафиксированного сколько-нибудь масштабного противодействия мусульман края общеперской политике, что обогащает современные исследовательские подходы к пониманию истоков восстания мусульманского населения Туркестана и Степного края 1916 г.

Различные аспекты информационного обеспечения деятельности ГЖУ в Волго-Уральском регионе осветила *Ю.Н. Гусева* в сообщении «“Мусульманский вопрос” в материалах губернских жандармских управлений: как собиралась информация о мусульманах Российской империи?». Она проанализировала результаты усилий работников МВД в деле выстраивания агентурной сети в тюрко-мусульманской среде Волго-Уральского региона, обозначила сложности и успехи деятельности контрразведки в этом направлении. Проблемы вербовки массовой агентуры в этой среде она связала, кроме прочего, с разногласиями культурно-религиозного, общественно-политического порядка внутри традиционалистского и джадидского крыла тюркской национально-религиозной элиты. В результате был сделан вывод, касающийся причин и обстоятельств, затруднявших объективную аналитическую оценку российскими чиновниками событий, происходивших в мусульманских ареалах империи.

Вопросы цензуры мусульманской литературы Туркестана находились в фокусе внимания *А.С. Эркинова* (Ташкент, Узбекистан), который в сообщении «Между Санкт-Петербургским цензурным комитетом и местными экспертами: проблема издания мусульманских книг в Туркестане в конце XIX – начале XX в.» рассмотрел различные аспекты полемики туркестанского издателя *И.С. Лахтина* со столичными цензорами по вопросу о необходимости проведения местной экспертной оценки книг на предмет их «противоправной» сущности. *А.С. Эркинов* проанализировал деятельность известного туркестанского эксперта-чиновника *Н. Остроумова*, редактора узбекской газеты «Газета Туркестанского края», и привел любопытные сведения об опасении петербургских властей по поводу масштабов, методов и форм распространения местных мусульманских книг.

В.Н. Шкунов (Поволжский филиал ИРИ РАН) раскрыл роль крымско-татарских купцов в развитии внешнеторговых связей Российской империи в конце XVIII – XIX в. Он осветил проблемы становления и развития внешнеторговых связей Крыма в период после его присоединения к Российской империи и предложил авторскую оценку роли крымских татар, подданных Османской империи, в развитии внешнеторговых отношений с Российской империей. Сделан вывод о том, что этноконфессиональные преимущества коренных жителей Крыма способствовали упрочению внешнеторговых связей России с соседними странами Востока.

А.В. Сарабьев (ИБ РАН) подробно, с привлечением новых источников исследовал вопрос восприятия ливанских православных российскими чиновниками в 1912 г., основываясь на дипломатических донесениях генконсула в Бейруте *К.Д. Батюшкова*. Оригинальными слушателям показались сведения о количестве, материальном положении и социальном мировосприятии православных, проживавших в Ливане, авторский вывод о причинах ослабления позиций России в регионе.

Основные тенденции общественно-политической жизни мусульманского сообщества России в период революционных потрясений в сообщении «Революция 1917 г. и мусульманские общины России» затронула *Н.М. Емельянова* (РГГУ).

Вторую панель «Советская эпоха: “игры взаимодействий”» открыл доклад *Д.А. Аманжоловой* (ИРИ РАН) «Средняя Азия и Казахстан в революционной стратегии большевиков (некоторые вопросы истории)», в котором рассматривались обстоятельства

реализации советской «восточной» политики в этих регионах. Анализируя вопросы эволюции идеи мировой революции через «пробуждение» Востока на центральноазиатском материале, докладчица отметила, что уже в 1918 г. концепция мировой революции трансформировалась скорее в лозунг, нежели в практическую и целесообразную задачу, но ее инструментальный смысл вскоре был взят на вооружение местными большевиками во главе с председателем Мусбюро КПТ Т. Рыскуловым. В докладе показано, каким образом разные группы большевиков-националов и представителей центральной власти в Средней Азии использовали эту стратегическую установку для решения вполне практических задач – от борьбы с так называемым русским колонизаторством и шовинизмом для укрепления собственного авторитета в глазах центра до авантюрных попыток реализовать утопические и амбициозные планы перекройки устоявшихся границ в лимитрофных зонах.

На исторических аспектах истории реализации военно-политических целей России в Западном Китае акцентировала внимание аудитории *Е.Н. Наземцева* (НИИ военной истории Военной академии Генштаба ВС РФ). В докладе «Материалы военных округов РККА о политическом положении в провинции Синьцзян в 1920–1930-е гг.: специфика источников и проблемы их интерпретации» ею были раскрыты основные каналы получения информации о политической и военной ситуации в провинции: поставщиками информации были главным образом представители внешнеполитических ведомств (полпреды, консулы) и военные специалисты штабов Туркестанского (ТуркВО), Среднеазиатского (САВО), Дальневосточного ВО. *Е.Н. Наземцева* представила обстоятельный анализ репрезентативности источников, которые характеризуют особенности подготовки и ведения операций, численность военных формирований, позволяют реконструировать ключевые детали событий, связанные с восстаниями неханьских народов, введением на территорию провинции частей Красной Армии. Познавательная ценность источников состоит и в том, что они демонстрируют уровень и глубину понимания советским руководством специфики политического, военного, национального, этнического развития Восточного Туркестана.

А.Д. Васильев (ИВ РАН) исследовал историографические и источниковые нюансы миссии М.В. Фрунзе в Анкару: проанализировал известные материалы и открытые архивные документы, посвященные миссии. Очевидно, что военно-политическая миссия М.В. Фрунзе стала наиболее важным событием в российско-турецких отношениях после заключения Московского и Карского договоров 1921 г. Она имела особый характер и потому часто освещалась в советской и современной российской историографии. Однако военно-политическая подоплека этого события остается во многом неизвестной. В частности, докладчик предположил, что передача М.В. Фрунзе российского золота туркам и выяснение деталей франко-турецкого соглашения не являлись первоначальными задачами миссии. Скорее всего такими задачами в первую очередь были: разработка и координация планов возможных совместных военных акций (от лица советской Украины) против Антанты, военно-техническая помощь турецкой армии, а также заверения от лица высшего советского руководства в том, что РСФСР будет поддерживать только Мустафу Кемалю, а не его конкурентов – младотурок и турецкую компартию.

Д.А. Милеев (ИВ РАН) заострил внимание на осмыслении места России в системе отношений «Восток–Запад». Его сообщение «Представления А.Е. Снесарева о посреднической роли России в отношениях между Востоком и Западом» содержало общий анализ теоретических и ориентированных на решение сугубо практических вопросов установок, разделяемых известным отечественным востоковедом на различных этапах его карьеры.

Результаты своих исследований по теме «Советская дипломатия и проблема “афганских земель” (1920–1945)» представил *Ю.Н. Тихонов* (Липецкий гос. пед. ун-т). В его докладе было продемонстрировано, какое место проблема спорных пуштунских земель

занимала в геополитической картине взаимоотношений Советской России и Афганистана и как она влияла на специфику политического лавирования афганских лидеров между Великобританией и СССР. Если в 1919 г. советской дипломатии удалось отвлечь Аманулли-хана от территориальных претензий к Советской России – СССР, признав «афганские права» на зону пуштунских племен Британской Индии, то после его свержения советская сторона фактически отказалась от обсуждения с Надир-шахом этой темы. Государства вернулись к этому вопросу только в 1943 г., когда афганское правительство, предвидя раздел Британской Индии, вновь заявило о своих правах на земли Правобережья Инда, но НКВД посчитал преждевременным обсуждение этих требований, хотя и признал тот факт, что у Афганистана есть основания претендовать на территории, населенные восточными пуштунами.

Деятельности социалистических сионистских организаций в послереволюционной России, их участие в политических и культурных процессах в Советской России в 1920-х гг. с целью добиться признания еврейской национальности как единого целого посвятила выступление *И.Ю. Бережанская* (РГГУ).

А.А. Карташов (историк спецслужб) в докладе «Организация и основные направления деятельности Восточного отдела ГПУ–ОГПУ (1922–1930)» изложил базовые обстоятельства, предшествовавшие возникновению специфического подразделения в структуре советской разведки и контрразведки, отвечавшего за работу в среде советского и зарубежного Востока, на прилегающих СССР территориях, населенных преимущественно мусульманами. Он проанализировал причины, подтолкнувшие советское руководство и лично первого руководителя Восточного отдела Я.Х. Петерса к обособлению вопросов противодействия так называемой национально-религиозной контрреволюции. В заключение докладчик сказал об исторических уроках, которые можно вынести из деятельности «восточного» подразделения ОГПУ в эти годы.

Проведенное мероприятие продемонстрировало многообразие дискурсивных подходов, характерных для отечественной востоковедческой школы и управленческой практики первой трети XX в. Однако при всем своем внешнем разнообразии они, очевидно, имеют пересечения, связанные с инерцией мышления, стереотипами восприятия «восточных» государств и народов, имперскими управленческими практиками, унаследованными советскими чиновниками, представителями академической, военной элиты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

<p>ХРИСТОФОРОВ Василий Степанович – доктор юридических наук, профессор РГГУ, чл.-корр. РАН, главный научный сотрудник ИРИ РАН, Москва, Россия.</p>	<p>Vasily S. KHRISTOFOROV – Dr.Sc. (Juridical), Professor, Russian State University for Humanities; Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; Principal Research Fellow, Institute of Russian History, Moscow, Russia.</p>
--	---

DOI: 10.31857/S086919080001860-3

Для цитирования: Дмитриев С.В. Китай и мир. Традиции и современность. *Восток (Oriens)*. 2018. № 5. С. 172–179. DOI: 10.31857/S086919080001860-3

For citation: Dmitriev S.V. China and the world: Traditions and modernity. *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 5. Pp. 172–179. DOI: 10.31857/S086919080001860-3

КИТАЙ И МИР: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

© 2018

С. В. ДМИТРИЕВ

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9988-1789>
ehidna-family@yandex.com

21 декабря 2016 г. состоялся очередной **XXIV ежеквартальный семинар Отдела Китая ИВ РАН «Китай и мир. Традиции и современность»**, проводящийся под патронажем Научного совета РАН по проблемам востоковедения. На семинаре присутствовали 24 человека, в том числе 15 сотрудников и аспирантов Отдела Китая ИВ РАН, по одному сотруднику ИМЭМО РАН, НИУ ВШЭ, ИСАА МГУ, Сибирского федерального университета.

М.В. Корольков (ИВ РАН) прочел доклад о налогообложении в раннеимперском Китае. Изучение истории налогообложения при всей его сложности крайне важно для понимания истории государства, поскольку именно налоги определяют его возможности в области мобилизации ресурсов и реализации крупных проектов во внутренней и внешней политике. Археологические находки последних лет предоставили в распоряжение ученых ряд конкретных данных по данному вопросу, что делает возможным изучение налоговой теории и практики древнего Китая. Анализ источников позволяет выделить два главных этапа истории налоговой системы в древнем Китае: 1) создание правильной системы налогообложения в царстве Цинь в середине IV в. до н.э. и 2) ее трансформация после формирования централизованной империи Цинь и пришедшей ей на смену Хань.

Решающую роль в развитии Цинь сыграло появление в Китае технологии обработки железа (VI в. до н.э.), что позволило освоить значительное количество целинных земель, недоступных для обработки без железных орудий. Тем не менее к V в. до н.э. Цинь заметно отставало от своих восточных соседей по уровню развития инфраструктуры. Основные доходы казны поступали от княжеских владений, обрабатываемых мобилизованными на трудовые повинности жителями; остальная территория практически не приносила князю финансовых выгод и управлялась местными элитами. В это время княжества долины Хуанхэ и Великой китайской равнины, такие как Цзинь или Ци, уже отливали собственные монеты и достигли значительных успехов в налогообложении всего населения. Это позволяло правительствам этих княжеств оперировать гораздо более значительными денежными средствами и, соответственно, отказаться от неэффективной практики мобилизации рабочей силы в пользу ее найма. Пытаясь догнать конкурентов, Цинь провела серию реформ (в 408 г. введен земельный налог, в 378 г. – рыночные сборы и налоги на торговцев, в 375 г. осуществлена перепись населения).

До недавнего времени ученым было почти ничего не известно о земельном налоге в Цинь, и многие полагали, что он должен был представлять собой фиксированную ставку или рассчитываться как средняя величина за несколько лет. Однако оказалось, что в Цинь эта система была гораздо более гибкой со стороны чиновной машины: налог рассчитывался ежегодно на основании данных, несколько раз за сельскохозяйственный се-